

КНИГА ЕГО МЕЧТЫ

Орёл – город относительно небольшой. Казалось бы, каждый в своей испостаси знает едва ли не всех коллег. Но вот когда заходит речь о краеведах 1980-х – 1990-х годов, оказывается, что Виктора Георгиевича Емельянова практически все помнят лишь по его публикациям. Нет этого человека на фотографиях, не посещал он краеведческие встречи и презентации новых книг, не предлагал с высоких трибуны какой-либо новый почин.

Загадки в этом никакой нет. Сразу поясню современному читателю: «затворничество» Емельянова в последние два десятилетия века минувшего было вынужденное, в силу состояния здоровья. Автору этих строк очень повезло: в конце 1980-х и в начале 1990-х я часто бывал дома у Виктора Георгиевича, советовался с ним по краеведческим вопросам, готовил в печать его статьи и очерки. И потому сейчас, когда этого человека давно уже нет среди нас, хочу рассказать о его жизни, о его краеведческих находках, о том, какой след он оставил в истории Орла.

Виктор Георгиевич Емельянов родился 10 февраля (по старому стилю) 1913 года в Болхове. Его отец лесничий и землемер, мать - учительница (окончила гимназию в Севске). Родители, по воспоминаниям Виктора Георгиевича, были безукоризненно грамотными людьми. В их доме в уездном городе собралась хорошая библиотека, которая, увы, сгорела в 1915 году.

Однако это не помешало Виктору Емельянову с ранних лет быть заядлым читателем. Семья накануне революции перебралась в Орёл, и научившийся читать Виктор стал едва ли не ежедневно ходить в Тургеневскую библиотеку на Васильевской улице. В старших классах

он был уже постоянным читателем центральной городской библиотеки на улице Ленина...

Вот как Емельянов вспоминал места своего детства: «1-ю Пушкарную пересекал «Зелёный ров». Это в самом деле был не ров, а остатки глубокого когда-то оврага – «Студёный вершок», отделявшего Посадскую слободу от Пушкарской. Здесь ещё была цела очень старая часовня, после революции она служила будкой для отпуска воды – в ней сидел человек, собиравший деньги. Весь ров был обсажен ракетами и был довольно уютным. Здесь улица (1-я Пушкарная. – А.К.) шла, пересекая каменный мостик. Сейчас же за этим мостиком с левой стороны в угловом двухэтажном доме находился детский приют. Их тогда много было в Орле. Следующим было двухэтажное каменное здание 5-й Советской Трудовой школы имени 3-го Коминтерна. Она считалась одной из лучших в Орле. Заведовал ею великолепный учитель математики Аким Никифорович Волков. Замечательная художественная детская самодеятельность. Два драмкружка. Каждую субботу спектакли или так называемый «дивертисмент». В моей памяти до сих пор хранятся отдельные сценки спектаклей и выступают слёзы, когда я слышу мелодию скрипки «Наступление зимы».

Школа, действительно, была незаурядной и не рядовой. Уже в 1990-е годы, когда журналисты спрашивали Виктора Георгиевича, почему он стал геодезистом, пожилой собеседник как бы невзначай ронял: «Да и как иначе могло быть, если моя школа имела мелиоративный и землеустроительный уклон...» Что ж, газетчики привыкли верить на слово, тем более таким авторитетным знатокам орловской старины, как Емельянов. Позволю себе высказать предположение, что Виктор Георгиевич просто шутил тогда над нами – профанами, не желая спустя десятилетия вникать во все перипетии и превратности выбора профессии в переломные времена. Стоит повнимательнее покопаться в старых журналах и книгах и, о чудо, выяснится, что уклон у знаменитой 5-й школы был несколько иной...

Итак, уклон у школы был «яично-птичный», здесь в конце 1920-х годов пытались подготовить «работника заготовки яично-птичной кооперации». Авторы затеи уже тогда признавали, что специализация у десятилетки с мощным, коминтерновским, названием звучит «смешно». На школьном дворе откармливали стаи гусей и уток, планировали завести собственным инкубатор и выпускали стенгазету «Цыплёнок».

Не ведаю ныне, пригодились ли будущему геодезисту познания о домашних пернатых, но он, несмотря на все причуды перманентной реформы отечественного образования, просто пошёл по стопам отца, окончившего когда-то землемерские курсы. По всей видимости, и Виктор Емельянов в 1929 году, перед поступлением на дальнейшую учёбу, какое-то время помогал отцу в его конторе. Тогда многие были увлечены подобной деятельностью, вспомнить только о профессии молодого Андрея Платонова или Леонида Брежнева. «Практиканту» поручили провести съёмку прудов на территории бывшего Малоархангельского уезда. Пруды были старинные, ещё екатерининские. Три месяца участвовал в их восстановлении, многое узнал о местной истории. Там, по всей вероятности, и проявился первый интерес юного орловца к краеведению...

Затем была учёба в Воронежском сельскохозяйственном институте на геодезическом факультете. У студентов тех лет были весьма продолжительные сезоны практики. Молодой землемер Емельянов был поражён тем, что крестьяне совершенно не могут понять, что происходит: коллективизацию они воспринимали как бред, как что-то невозможное. Аукнулось полувоенное обобществление и в городах: студенты Воронежского сельхозинститута месяцами жили на голодном пайке (о тех событиях Емельянов в 1980-е напишет свои воспоминания).

Молодой выпускник СХИ работал в Челябинской области (г. Курган), в Западной Сибири и Кара-Калпакии (г. Турткуль). Повидал огромную страну, многому научился в своей специальности, общался с разными людьми, в том числе и с «бывшими», сосланными подальше от столиц. Когда миновала волна репрессий, когда жизнь стала налаживаться, Емельянов всё чаще стал думать о возвращении в родные края. В 1940 году переехал в Орёл, стал работать по специальности в управлении землеустройства. Семья Емельяновых жила на улице Московской в районе современного универмага...

После начала войны Виктор Георгиевич фактически был мобилизован на строительство военных объектов. Ездить для геодезических съёмок приходилось по всем районам обширной Орловской области (в те годы её территория была почти втрое больше современной). 3 октября 1941 года, когда фашисты вошли в Орёл, он был в Новосиле на строительстве оборонного сооружения. Эвакуация, работа уфимском Башпроекттресте.

Виктор Георгиевич Емельянов многое сделал для того, чтобы поднять из руин послевоенный Орёл. Восстанавливая разрушенное фашистами, он видел и явное пренебрежение иных проектировщиков и строителей к истории города. Вместе с благородным стремлением покончить с разрухой, дать людям жильё и прочие блага уживалось и желание поскорее избавиться от примет былой, ещё дореволюционной жизни. В Орёл в 1950-е годы приехали тысячи рабочих из деревень. К тому же не было местных, доморощенных специалистов с вузовским образованием – они приезжали сюда из других городов. Истории Орла приезжие не знали, да и не могли её знать.

Кто тогда мог выступить в защиту орловской старины? Емельянов вспоминал: «В 1958 году был утверждён новый генеральный план Орла, которым определялась реконструкция

нашего города. Предусматривалось прокладывание новой уличной магистрали – и где же вы думаете? Проектом было предусмотрено продолжить улицу Сакко и Ванцетти прямо через старейшее кладбище города – Крестительское. Самое удивительное то, что во время обсуждения генплана моё замечание всеми присутствующими было просто оставлено без внимания. Это хорошо, что всё-таки воздержались от сноса кладбища».

В середине 1960-х годов в Орле «обнаружилась» путаница с названиями - имелось семь(!) Загородных переулков, четыре Электровозных проезда и т.д. Одна сторона улицы – одно название, другая – иное. Горисполком создал комиссию под председательством Емельянова – авторитетного специалиста и старожила, руководителя геодезической службы управления главного архитектора. Как всегда ответственно и основательно подойдя к порученному делу, Виктор Георгиевич много прошагал по этим далеко не центральным улицам и переулкам, много читал, беседовал со старожилами, работал в библиотеках, архивах, в ведомственных хранилищах документов. В итоге появились не скороспелые предложения о переименовании, а целая система дальнейшей «уличной политики» - благодаря ей в городе навели относительный порядок с названиями: упорядочение коснулось 200 орловских улиц и переулков из имевшихся 500.

Уйдя в 1978 году на пенсию, Емельянов ещё несколько лет преподавал математику и геодезию в профтехучилище № 29 (вот так в зрелые годы он продолжил дело не только отца-землемера, но и мамы-педагога!). Свободного времени стало больше – едва ли не всё он посвящал теперь изучению орловской старины: на протяжении 13 лет писал книгу об улицах города Орла. К тому же интерес к истории городской топонимики постепенно перерос в «архивные раскопки» и по многим-многим другим направлениям.

Попутно Емельянов разыскал материалы о работе своей сестры Валентины Георгиевны на посту директора областной библиотеки во время Великой Отечественной войны...

Валентина Георгиевна родилась в Орле 22 января (по старому стилю) 1917 года. Окончила Московский библиотечный институт, с 1940 года работала библиотечным сектором Орловского областного отдела народного образования. Была в эвакуации, после освобождения Орла её назначили директором областной библиотеки имени Н.К. Крупской. Работа предстояла нечеловечески трудная: здание разрушено фашистами, книжный фонд разграблен. Но уже в сентябре 1943 года библиотека приняла первых читателей. К концу года в библиотеке насчитывалось 50 тысяч (!) книг, здесь обслуживали уже тысячу читателей. К середине 1946 года книжный фонд по численности превзошёл предвоенный (более ста тысяч), в библиотеке работал весь спектр отделов и подразделений, в том числе и отдел по обслуживанию слепых читателей. Здоровье Валентины Георгиевны оказалось сильно подорвано войной: в июле 1947 года, в возрасте 30 лет она умерла... Очерк В.Г. Емельянова «Библиотека и её директор» был помещён в VI выпуске альманаха «Орловский библиофил» (1995).

Однажды знакомая привела в гости к Емельяновым пожилую женщину – Л.А. Данилову. Та без долгих предисловий сказала: «У меня хранятся вещи Лизы Калитиной...». С этой встречи началось изучение Емельяновым истории легендарного «Дворянского гнезда». 1976-м годом датирована хранящаяся в Бунинке рукопись Емельянова «Что такое «Дворянское гнездо» в городе Орле», на её титульном листе пометка карандашом «Не отредактировано. 27.3.77» и подпись автора. Здесь был приведён (едва ли не впервые в истории!) большой перечень публикаций, в которых упоминалось Дворянское гнездо. Новая работа, датированная 1983 годом, - «Дворянское гнездо» в городе Орле. Источники сведений».

Перечислено было более ста названий, да ещё имелось примечание о том, что составителем опущены некоторые второстепенные источники.

В орловских газетах Емельянов напечатал не менее десятка статей в защиты «Дворянского гнезда», а в 1985 году в академическом столичном журнале «Филологические науки» вышла его солидная публикация «Лиза Калитина и орловские реалии: К вопросу о прототипе». В 1988 году для областного управления культуры им была подготовлена обширная историческая справка «Дворянское гнездо в городе Орле». Вся эта совокупность исследований в итоге позволила разработать проект возрождения и благоустройства историко-ландшафтного памятника.

Год за годом он «раскапывал тему», подобно тому, как опытный археолог проникает вглубь руин исчезнувшего города. Замечу, что Емельянов не был тщеславен и не старался блеснуть какой-нибудь находкой сомнительного свойства. Более того, его исследования зачастую не вызывали широкого резонанса, потому что их итогом была не сенсация, а лишь основательная констатация исторических фактов, порой и нелицеприятных. Он всегда предпочитал смотреть правде в глаза, довольно жёстко откликнулся на псевдокраеведческие публикации в газетах.

Так, к примеру, Емельянов одним из первых в орловском краеведении заявил о том, что здание лесковского музея не является именно тем домом, где в XIX веке жила семья Лесковых. Приведя в статье в «Орловской правде» 15 ноября 1986 года ряд весомых аргументов, он однозначно заключал: «Таким образом, приходится констатировать, что подлинный дом Лескова, к сожалению, не сохранился».

Или другой пример. Когда в конце 1980-х – начале 1990-х общественность города стала поднимать вопросы о переименовании

ряда городских улиц, лучший знаток их истории Емельянов вовсе не присоединил свой голос к этим настойчивым требованиям. Он писал в одной из своих статей того времени: «Откровенно говоря, я не вижу большого смысла в том, чтобы переименовывать именно сейчас улицы Орла, возвращать им прежние названия – от этого мы лучше жить не станем... Сейчас самое главное – накормить людей».

Старик Емельянов, несмотря на свою тяжёлую болезнь, которая не позволяла ему покинуть пределы квартиры, несмотря на кажущуюся аполитичность, был человеком весьма принципиальным и искал в любом деле здравый смысл – на мой взгляд, такова типичнейшая черта лучших представителей русской интеллигенции, берущая начало ещё во французском просвещении. Себя Виктор Георгиевич называл не просто краеведом, а непременно краеведом-исследователем. Его страстью (истинный служитель геодезии!) были топографические карты и планы города Орла – изучение едва ли не любого исторического вопроса он начинал с работы по карте (их в доме Емельянова было множество – и дореволюционные, и секретные военных времён, и какие-то ещё – но всё это была почти закрытая от посторонних глаз коллекция, которую позднее он передал в госархив).

Видя, как на волне событий 1991-1993 годов словно накипь плещутся идеи всевозможных административно-территориальных переделов, Емельянов детально проштудировал опыт аналогичных «реформ» во времена Сталина и Хрущёва. Получился весьма содержательный труд – о нём можно судить по хранящейся в Бунинке рукописи «Дополнительные материалы к очерку «История административного деления Орловщины» (январь 1994)». Не рассчитывая на широкий интерес к этой теме в то время, автор тем не менее отметил в дарственной надписи: «Передавая один экземпляр настоящего очерка Областной библиотеке имени И.А. Бунина,

выражаю надежду, что найдутся читатели библиотеки, которые дополнят высказывания автора по поводу одного из экспериментов из числа тех, которыми так была полна история России в послереволюционные годы». Весьма поучительна концовка этого очерка (речь идёт о так называемом укрупнении сельских районов): «Вот такой эксперимент был произведён на Орловщине в 1960-е годы, давший, как мы теперь знаем, отрицательный результат. Нужен ли был этот эксперимент? Нельзя ли было заранее предвидеть его результат?»

Как много в подобных ситуациях зависит от знаний, квалификации, опыта соответствующих руководящих лиц. И от ума – тоже...

28.1.94 Краевед-исследователь В.Г. Емельянов».

Примерно в то же время он резко высказался по поводу повсеместно царившей в советское время секретности. В статье «О, секретность, секретность...» («Орловский вестник», декабрь 1993) Емельянов писал: «Пока житель Орла не может посмотреть на карте, где в Орле находится Весёлая слобода или Завокзальный посёлок, или пригород Лужки. Где, допустим, находится Саханская улица, Высоковольтная улица или Машиностроительная улица. Где расположены какие кладбища. И множество других элементов современного Орла. Где около Орла находится Тиняковская дубрава, лес Андриабуж? Где около Орла находится существующий уже несколько сот лет Царёв брод? Где посёлок с таким названием?»

Кому же нужно, что бы мы, жители великой страны, эту страну не знали?»

Хотя большинству современных читателей Емельянов известен только как автор уникального справочника «Улицы города Орла. История названий» (Тула, 1986), его краеведческое наследие весьма обширно и разнообразно. Именно выход той, первой книги побудил

краеведа заняться подготовкой к изданию ещё нескольких больших рукописей. В этом очерке нет смысла пересказывать содержание всех его статей, но уместно хотя бы перечислить основные темы, раскрытые Виктором Георгиевичем. К примеру, его интересовала история путей сообщения в нашем крае: он подготовил рукопись книги «Пути татарских набегов на Орловщине» (усиленно собирал для неё материал в конце 1980-х), написал исследование на тему «По каким дорогам ехал Пушкин» (имеется в виду поездка поэта в 1829 году в Арзрум), статью «Орловская пристань», статью об истории Наугорской дороги.

Емельянов как истинный краевед задался вопросом и о возникновении городов Орловщины (статьи «Почему Новосиль?», «Когда основан Орел», об истории районных центров). Продолжая тему истории орловских улиц, он создал серьёзные исследования ряда исторических мест города (Царёва Брода, площади Карла Маркса и Гостиной улицы, Комсомольской площади, Солдатской слободы, старых скверов и садов).

Большой массив рукописей Емельянова – воспоминания об Орле 1920-х годов, о кинотеатрах города, купеческом собрании, о нэповской торговле и т.д. Он продолжал интенсивно работать и над «развитием» справочника по названиям орловских улиц: к 1990 году была готова рукопись 2-го, дополненного издания, к 1992-му – рукопись 3-го издания.

Его рукописные работы вызывали интерес у журналистов, которые готовили краеведческие подборки в местной прессе. В несколько сокращённом, адаптированном для современного читателя виде эти материалы печатались в полосе «Истоки» («Орловская правда»), очерки об Орле 1920-х – в рубрике «Губерния» («Поколение»), были публикации Емельянова в газетах «Вече», «Дело», «Орловский вестник», «Российский инвалид» и в журнале

«Истории русской провинции» (основательнее о круге изученных им тем можно судить по альбому «Копии газетных статей (1965 – 1992)», который Емельянов передал в Бунинку).

В конце 1980-х автор этих строк готовил для полосы «Истоки» целый ряд материалов Виктора Георгиевича. Так сложилось, что он жил как раз на полпути из редакции к моему дому. А потому вечером я частенько заглядывал «на огонёк» к старому краеведу на улицу Сурена Шаумяна. Правилom был предварительный звонок, короткий телефонный разговор о теме предстоящей встречи.

И вот я уже поднимаюсь в вечерних сумерках, помнится, на третий этаж обыкновенной «хрущёвки», нажимаю кнопку звонка... Вместе с очень грустным, было и что-то трогательное в вынужденном затворничестве Емельянова. Его «старорежимный», в растяжку ответ по телефону: «Альлё». Торопливые шаги в домашних шлёпанцах, короткое, без наигранных любезностей, приветствие гостю.

Наверное, если бы позволяло здоровье, он мог бы возиться в гараже или заниматься дачей, петь в хоре ветеранов и путешествовать. Но такого житейского выбора волею судьбы у Виктора Георгиевича не оказалось: можно было только перечитывать книги и стучать на пишущей машинке, вглядываясь сквозь толстые стёкла очков в блёклый шрифт машинописи. Эти страницы, да общение по телефону и были для него воплощением всего мира. Благо сотрудницы библиотеки имени Крупской (видимо, не без доброго совета её директора и давнего соратника Емельянова по краеведческим разысканиям В.Г. Сидорова) выступали в роли книгонош – регулярно доставляли на квартиру заказанные по телефону краеведческие раритеты из фондов библиотеки.

Мне до сих пор памятен лукавый взгляд Емельянова из-под венчика густых бровей. И то, как он устраивал маленькие экзамены для пока не просвещённого молодого поколения краеведов. Конечно,

он понимал, что нам станет доступно в сокровищнице истории куда больше, чем было доступно ему. И потому не кичился, не считал исключительно ценностью своё личное собрание книг и прочих печатных материалов, так дорогое именно его сердцу.

Он мог запросто рассказать о том, как в начале 1920-х на купюру в 10 миллионов рублей покупал стакан семечек (без сдачи!). А ещё мне запомнилось, например, как он в 1993 году напутствовал сделать радиопередачу (в то время я работал на областном радио) о районе улиц Васильевской и Пушкарных. Благодаря его рассказу история чуть ли не каждого дома оживала: здесь была переплётная мастерская, здесь жила знаменитость, там была какая-то диковина, которую нельзя было встретить нигде больше в Орле. После такого рассказа хотелось поскорее попасть на исторические улицы и увидеть своими глазами старые дома – свидетели былого, разговориться с местными жителями.

В личном архиве автора этих строк сохранился напечатанный Емельяновым текст очерка «Первая Пушкарная улица». В приписке он тогда уточнил: «Многоуважаемый Алексей Иванович! Как видите, мои заметки можно рассматривать только как небольшую памятку, которую можно рассматривать как подсказку для направления Вашей работы. Но это будет Ваша работа. Может быть, Вам есть смысл пройтись по этой улице и извлечь из памяти местных жителей всё, что только можно. Позволю себе рекомендовать познакомиться с моим сослуживцем (он старше меня), который, надеюсь, расскажет Вам что-то интересное. Это Дмитрий Иванович Тимофеев, проживающий по адресу: 302026, проезд Щаденко, 1. Если увидите его, передайте от меня самый лучший привет и самые добрые пожелания. Мы знакомы с ним с 1932 года – более 60 лет!

[неразборчиво в машинописной копии] Дмитрий Иванович!
Низкий Вам поклон от Вашего сослуживца! [подпись карандашом]».

Увы, старик Емельянов уже не мог пройти по улице далёкого детства, по-свойски заглянуть к приятелю. А я тогда, как и обещал Виктору Георгиевичу, зашёл к Дмитрию Ивановичу с репортёрским магнитофоном – он много рассказал мне и радиослушателям о старом Орле, о кадетском корпусе (юный Дмитрий оставался, пожалуй, последним из живых выпускников Орловского Бахтина кадетского корпуса).

Говоря о будущих публикациях в газете или о теме будущих радиопередач, Емельянов непременно, как о неустроенном наследнике, вспоминал о своих рукописях книг. В самом деле, газетные статьи были для него лишь попыткой привлечь внимание читателей к той или иной теме. Емельянов очень хотел, чтобы орловские жители прочли его будущие книги с основательным исследованием местной истории. Но автору, увы, исключительно не повезло: старое издательство (Приокское) стремительно шло ко дну, новые издательства в Орле в то время пока не появились. Тогда мы ещё не могли понять всей безнадёжности положения.

В краеведческом отделе библиотеки имени И.А. Бунина ныне хранится машинописная рукопись Емельянова «Записки Орловского краеведа». На титульном листе надпись «Приокское книжное издательство, 1991». Здесь же более поздняя наклейка: «Рукопись сдана Орловскому отделению Приокского книжного издательства в 1987 году. Подготовлена к печати в 1991 году. В связи с ликвидацией Издательства возвращена автору в 1992 году».

Рецензентом будущей книги была доцент Орловского пединститута Валентина Яковлевна Воробьёва, предисловие написал архитектор Сергей Иванович Фёдоров. Они были давними сослуживцами, единомышленниками в борьбе за сохранение исторического наследия – Фёдоров и Емельянов. Сергей Иванович, как мог, поддерживал терявшего надежду увидеть свой труд изданным

Виктора Георгиевича. В предисловии, в частности, были такие строки: «Книгу можно смело поставить в один ряд со ставшими уже библиографическими редкостями. Она написана с глубоким знанием предмета, хорошим литературным языком».

Да, повторю, эту книгу, как и другие книги Емельянова, написанные после 1986 года, издать тогда не удалось. Сознание этой неудачи омрачало последние годы жизни Виктора Георгиевича. Старейший краевед нашего города умер 29 октября 2000 года, похоронен на Троицком кладбище в Орле.

Неопубликованные рукописные труды В.Г. Емельянова ныне хранятся в орловских библиотеках и архивах. Заинтересованный исследователь, да и просто любитель старины может взять с полки эти большие тетради в красных бумвиниловых переплётках и вслед за автором пройти по дорогам минувших столетий и десятилетий. Хорошо бы сделать его исследования доступными и для самого широкого читателя – издать книгу с избранными краеведческими статьями и очерками Виктора Георгиевича Емельянова. Книгу, о которой он так долго мечтал...

Алексей КОНДРАТЕНКО.